

УДК 801.831.5=111

ЗНАЧИМОСТНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕИ СПРАВЕДЛИВОСТИ

С.Г. Воркачев (Краснодар, Россия)

С.Г. Воркачев. Значимостная составляющая лингвокультурной идеи справедливости. В статье на базе речевого употребления прилагательного *справедливый* описывается лингвокультурный концепт, лежащий в основе идеи справедливости, и реконструируются три основных разновидности справедливости – процессуальная, карающая и распределительная – в современном русском языковом сознании. В речевых употреблениях прилагательного *справедливый* прослеживается семантическая структура этической категории справедливости.

Ключевые слова: концепт, лингвокультурная идея, разновидности справедливости, языковое сознание, категориальный признак.

С.Г. Воркачев. Значеннєва складова лінгвокультурної ідеї справедливості. У статті на базі мовленнєвого вживання прикметника *справедливий* описується лінгвокультурний концепт, який лежить в основі ідеї справедливості, та реконструюються три основні різновиди справедливості – процесуальна, караюча й розподільна – у сучасній російській мовній свідомості. У мовленнєвих вживаннях прикметника *справедливий* простежується семантична структура етичної категорії справедливості.

Ключові слова: концепт, лінгвокультурна ідея, різновиди справедливості, мовна свідомість, категоріальна ознака.

S.G. Vorkachev. Meaningful component of the linguistic cultural idea of justice. In this article the linguo-cultural concept that underlies the idea of justice is described on the basis of verbal use of the adjective *just* and the three main types of justice – procedural, chastising and distributional are reconstructed for the modern Russian linguistic consciousness. In the speech use of the adjective *just* the semantic structure of the ethical category of justice has been traced.

Key words: concept, linguistic, cultural idea, a kind of justice, language, consciousness, categorical trait.

Лингвокультурную идею отличает от идеи культурной и просто идеи присутствие в семантическом составе указаний на связь со “знаковым телом” языковых единиц, закрепленных за её выражением. Эта идея образуется более дробными, но достаточно значимыми сущностями – лингвокультурными концептами, находящимися в отношениях семантического подобия и контраста:

СЧАСТЬЕ-БЛАЖЕНСТВО, СЧАСТЬЕ-УДАЧА, НЕСЧАСТЬЕ; ЛЮБОВЬ-СТРАСТЬ, ЛЮБОВЬ-МИЛОСТЬ, НЕНАВИСТЬ; СПРАВЕДЛИВОСТЬ, ПРАВДА, НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ и пр. Поскольку, как можно видеть, в состав лингвокультурной идеи входят как концепты, так и “антиконцепты”, собственного неописательного имени в языке она не имеет и обозначается именем наиболее значимого положительного концепта, входящего в её состав (*идея счастья, справедливости, свободы* и пр.), а её “значимостная составляющая”, определяемая местом средств для её выражения в лексической системе языка, соответственно, совпадает со значимостной составляющей (см. подробнее: [Воркачев 2004: 122–124; Воркачев, Воркачева 2003: 263–264]) этого ведущего лингвоконцепта. **Цель** данной работы¹ – реконструкция лингвокультурной идеи справедливости в русском речевом сознании путем анализа речевого употребления прилагательного *справедливый* и выявление наиболее значимых признаков соответствующей этической категории.

В качестве источника **материала** для исследования использовалась электронная база данных “Национального корпуса русского языка”.

Лингвокультурный концепт, анализ которого приобретает особую **актуальность** в наше время, представляет собой некое “средостение”, разделяющее и соединяющее форму и содержание мысли, в котором сосредоточены находящиеся во взаимодействии культурные смыслы и способы их языкового представления (“Культуру можно определить как то, *что* данное общество делает и *думает*. Язык же есть то, *как думают*” – [Сэпир 1993: 193]). Тем самым, лингвоконцептология – это своего рода испытательный стенд для проверки гипотезы лингвистической относительности, как сильного её варианта, жестко связывающего языковые формы и стереотипы сознания (“В языке мы *всегда* находим сплав исконно языкового характера с тем, что воспринято языком от характера нации” – [Гумбольдт 1985: 373]), так и слабого, признающего влияние языка лишь на определенные сегменты национальной концептосферы.

Давление лексической системы языка на общую семантику лингвоконцепта, осуществляемое через его значимостную составляющую, распределяется различным образом и зависит от области бытования последнего: его дискурсной принадлежности – преимущественной употребимости в определенной сфере общественного сознания, где он обретает специфические дополнительные семантические признаки.

Для обыденного, языкового сознания, безусловно, значимым представляется “разнесенность” морального и правового значений справедливости по разным словарным статьям и тематическим группам: *правда* и *справедливость* оказываются отделенными и дистанцированными от *правосудия* и *законности* уже в самой лексической системе русского языка.

В то же самое время своего рода “лексический каприз” – объединение в одну словарную статью нескольких “корреспондентских” значений (“*правда-истина, правда-справедливость и правда-искренность*”) завораживает носителей

научного сознания – философов, социологов и психологов, которые делают из этого в общем-то довольно заурядного лексикографического факта далеко идущие выводы мировоззренческого характера. Достаточно здесь вспомнить панегирик “поразительной внутренней красоте” слова *правда*, в котором истина и справедливость “как бы сливаются в одно великое целое” (см.: [Печенев 1990: 140]) и которое “оказывается как бы мостом, соединяющим истину с моралью” [Знаков 1999, 147], утверждения на этом основании об особой моральности русского народа (см.: [Касьянова 2003: 257–260]) и даже объяснение склонности русского человека ко лжи во спасение – “нравственной лжи” [Знаков 1999: 236]. Однако “соответствие” присутствует в семантике пропорциональности, а гармония сближается со справедливостью (см., например: [Люшер 2003: 111]) и, тем самым, теоретически может дополнить словарную статью правды. А нежелание российских врачей “огорчать” инкурабельных пациентов точными сроками выхода из больницы и “сюрпризное” приведение в исполнение расстрельных приговоров якобы по дороге на допрос не обязательно объясняются лексическим соседством истины и справедливости.

По данным языка, “формула справедливости” реализуется в ходе судебного разбирательства (см.: [Арутюнова 1999: 555; Левонтина, Шмелев 2000: 284]), в котором представлены стороны – истец и ответчик, судьи той или иной инстанции, обвинители, защитники и наблюдатели – публика.

В формуле справедливости как меры воздаяния должного выделяется диктальная часть, в которую входят действия её протагонистов, затрагивающие чьи-либо интересы, и модальная часть, в которой содержится этическая оценка этих действий, причем для стороннего наблюдателя само вынесение этой оценки предстаёт как поступок, совершаемый осознанно и произвольно, и, тем самым, этически значимый – вменяемый субъекту в заслугу либо в вину. “Дурная бесконечность” судейского арбитража, когда любого судью судит другой судья (арбитр), а другого – третий и так далее (см.: [Левонтина, Шмелев 2000: 284]), в акте речи прерывается мнением говорящего – субъекта высказывания, который в качестве последней инстанции при отсутствии специальных шифтеров (*как полагают, по мнению X, с точки зрения X* и пр.) дает этическую оценку действиям протагонистов справедливости. Основанием справедливостной оценки выступает отношение человека к нормам распределения добра и зла, а само это основание конкретизируется в представлениях о мере справедливости – способе её воздаяния: *всем – поровну, каждому – свое, всем и каждому – по неотчуждаемым правам*.

Сопряженные внутри идеи справедливости обе её разновидности (воздавательная и распределительная) представляют как моральную характеристику человека через его поступки, так и характеристику общественного уклада, а сама справедливость имеет явно определительный уклон: в словарях она толкуется главным образом через отсылку к соответствующему прилагательному либо наречию. Следует также отметить, что *правда* – наиболее употребительное в русском языке имя для обозначения

справедливости – не имеет производных для своего этического значения: *правдивый* и *правдиво* соотносятся лишь с истинностным и искренностным ЛСВ этого имени. В то же самое время *справедливый* – прилагательное многозначное, причем значения истинностного, гносеологического соответствия (“соответствующий истине, действительности, действительному положению дел, истинный, правильный, верный, действующий в соответствии с истиной, основанный на беспристрастном соблюдении истины” [Ожегов, Шведова 1998: 757; БТСРЯ 1998: 1252; СРЯ 1984, т. 4: 231]) в его словарных толкованиях явно преобладают над значением соответствия этического (“осуществляемый на законных и честных основаниях, основанный на требованиях справедливости, соответствующий моральным и правовым нормам” [там же]). Можно предполагать, однако, что внеконтекстно – без своего конкретизирующего определяемого – это прилагательное представляет собой некое подобие местоименного дейктика, указывающего на присутствие соответствия вообще: *X соответствует Y*, где места *X* и *Y* могут занимать именами и пропозициями, отправляющими к содержанию мысли, речи или к предметной действительности.

По нашим данным, миниконтекст преимущественной реализации истинностного, “гносеологического” ЛСВ прилагательного *не/справедливый* (*не/точный, не/верный*) представлен множеством определяемых имен существительных, содержащих в своей семантике указания на связь со знанием, пониманием называнием и логическим выводом (*признак, понятие, представление, понимание, интерпретация, вывод, определение, известие, весть, показания, описание, быть, повесть* и пр.), например:

“Эта программа (введения в строй новых мощностей в электроэнергетике) неслучайно многими названа “ГОЭЛРО-2”. И я думаю, что это справедливое название” (АиФ 2006); “Но кроме этого адресата (второго) автор высказывания с большей или меньшей осознанностью предполагает высшего “нададресата” (“третьего”), абсолютно справедливое ответное понимание которого предполагается либо в метафизической дали, либо в далеком историческом времени” (Бочаров); “Перестань! – воззвал пан Харитон прерывающимся голосом, и слезы покатились из глаз его, – перестань! это живое, справедливое описание будущих ощущений моих прежде времени терзает мою внутренность!” (Нарежный); “Я не мог узнать потом, было ли это известие о краже вина справедливое или кстати придуманное, нам во спасение” (Достоевский); “В состоянии ли совесть твоя справедливое дать определение ко осуждению твоему или ко оправданию?” (Левшин); “Но в некоторых летописях говорится, что Ибрагим не пошел сам, а послал на Вятку войско, и когда пришла к нему справедливая весть, что великий князь покорил Новгород, то он отдал войску приказ возвратиться немедленно” (Соловьев); “Я должен предположить, что подложность этого документа Вам неизвестна, и хочу верить, что Вы

не уклонитесь от того, чтобы пролить на это дело справедливый свет, дабы обнаружить истинных виновников этого подлого подлога” (Карпов); “Ну, чем не повесть, хотя справедливая быль – добродетель торжествует, порок наказан” (Стогов); “Будьте уверены, что сие требуется от вас по высочайшему ее императорского величества соизволению, то и должны вы во облегчение вашего настоящего жребия показать самую истину; в противном же случае всякое несправедливое ваше показание умножит ваше несчастье” (Материалы о преследовании Новикова); “Позвольте спросить, что могло дать вам о нем такое неблагоприятное и, смею сказать, несправедливое понятие” (Вяземский); “Однакож несправедливое те себе сделают представление о беспорядках, в кои Спартянская впаля республика при начале своего повреждения” (Радищев); “Известие конечно несправедливое: ибо наши государственные бумаги, свидетельствуя о приходе туда немецких кораблей с хлебом в 1602 году, не упоминают о таком жестоком запрете (Карамзин); “Петр Матвеевич был старше Лизы почти на двадцать лет, и вот эта-то сакраментальная разница и возбудила нехороший и, на мой взгляд и даже по моему убеждению, несправедливый (“несправедливый” в значении “неверный, ложный” в словарях приводится с пометой устар. – [БТСРЯ 1998: 642; Ожегов-Шведова 1998: 413]) слух, будто Лиза вышла замуж за Красавицкого по расчету (Розов); “Вы могли заметить, что я мало уважаю постороннее мнение; но я вас люблю, и чувствую: мне было бы тягостно оставить в вашем уме несправедливое впечатление (Пушкин) “Донос такого мерзавца, самый несправедливый и нелепый, мог иметь гибельные последствия” (Греч); “А. Февральский делал справедливое заключение, что Всеволод Мейерхольд – имя человека, к которому никто не может быть равнодушным” (Елагин); “Из материалов дела также можно было сделать справедливый вывод, что ответчики заняли позицию затягивания и волокиты по данному делу, – как иначе понимать их многочисленные неявки в суд под самыми разнообразными предложениями!” (Кучерена).

“Микроконтекст” реализации этического ЛСВ прилагательного не/справедливый представлен множеством определяемых имен существительных, содержащих в своей семантике в качестве необходимого условия указание на связь с чьими-либо интересами, которое в случае “просто” справедливости – справедливости личностной – дополняется условием совершения действия протагонистом в ситуации свободы воли и выбора.

Справедливая оценка может даваться протагонистам справедливости непосредственно присоединением определения к имени лица или социального института (справедливый человек, справедливое общество), либо опосредоваться семантикой имени, раскрывающегося как пропозиция (справедливая война, несправедливое отношение к людям и пр.).

Просто справедливость, справедливость вообще, личностная справедливость противостоит прежде всего справедливости институциональной – характеристике институтов, систематически и постоянно воспроизводящих принципы распределения благ и тягот в обществе. В то же самое время в отдельную разновидность выделяется справедливость процессуальная – *судейская добродетель*: способность человека выступать беспристрастным и нелицеприятным арбитром в делах, где он сам не имеет личного интереса.

Следует заметить, однако, что между просто справедливостью и справедливостью институциональной, социальной нет четкой и жесткой границы. Все социальное представляет собой своего рода нерукотворный артефакт: оно создается при участии человека, но в значительной мере помимо его желания и зачастую даже вопреки ему. В то же самое время социальные институты обладают определенной коллективной волей: можно сказать, что это “вменяемые сообщества”, которые несут опять же коллективную ответственность за свои деяния. Любая социальная система по определению включает в себя отношения (структуру) и сами элементы, между которыми устанавливаются эти отношения, – вполне конкретные личности, обладающие свободой воли и выбора. Тем не менее, сказать точно с какого момента протагонист личностной справедливости становится протагонистом справедливости социальной невозможно: с двух человек, с трех человек, группы, с коллектива, с массы, с толпы, с народа? (“парадокс кучи”!).

Справедливость личностная передается непосредственно сочетанием прилагательного *не/справедливый* с именами существ, наделенных сознанием и волей, но не наделенных властью, поступки которых затрагивают чьи-либо интересы (*существо, человек, мужчина, женщина* и пр.), например:

“Премилосердное и справедливое существо захочет ли для такой бедной твари, каковы мы, быть когда-нибудь свирепым?” (Чулков); *“А надо сказать: справедливый был человек, хоть и пьяница”* (Короленко); *“Он справедливый мужик, зря говорить не станет”* (Шукин); *“Но тут же, как женщина справедливая, она вспомнила, как отторгла ее его рука, а другую женщину обняла”* (Щербакова); *“Доканчивайте вашу речь, несправедливый, гадкий человек!”* (Тургенев); *“Справедливая была старуха”* (Горький); *“А Катерина Ивановна дама хотя и великодушная, но несправедливая”* (Достоевский); *“Знаю, что дед жадный, несправедливый, а прощаю его и даже иногда похваляю ребятам”* (Железников); *“И не совестно было вам, дорогой, но несправедливый друг мой, так поступать с лучшим доброжелателем вашим”* (Достоевский); *Пчела – очень справедливое насекомое* (Матвеев).

Справедливость передается также сочетанием этого прилагательного с метафоризированными именами (*судьба, рука, ум, сердце, кинжал* и пр.):

“3. вообще принадлежал к числу тех счастливых личностей, которые в воде не тонут, в огне не горят и которых справедливая судьба рано или

поздно осыпает всеми благами мира сего” (Торнау); “Подбирая и систематизируя эти усердствования, по ним одним когда-нибудь строгий и справедливый ум сурово осудит порядок идей нашего времени, но и это напоминание не поможет живущим по пословице: “après nous le déluge”” (Лесков); “Мое намерение было, – говорил он, – оказать мои услуги более одного разу, и всякий, кто имеет справедливый рассудок, извинит меня” (Фонвизин); “Его оружие – святой меч, справедливый кинжал” (Семенова); “Хоронить – так всех, – ответил справедливый череп” (Успенский).

Опосредованно личностная справедливость передается сочетанием прилагательного с именами, раскрывающимися как пропозиции, актанты которых – лица – действуют в условиях свободы воли и выбора и своими действиями затрагивают интересы других лиц (*поступок, отношение, шаг, поединок, почин* и пр.):

“Свободный, разумный и справедливый поступок – втихомолку!” (Гончаров); “Третьему было грустно, что безнаказанно совершился несправедливый поступок” (Гоголь); “Его уважают и ценят за высокий профессионализм, талант руководителя, справедливое и чуткое отношение к людям” (Зорин); “Думать, что его можно разжалобить, – смешно; смешно и ждать, что можно чего-нибудь достигнуть указанием на его несправедливое отношение к нам” (Вересаев); “А поскольку законы, ущемляющие лукавые возможности чиновного люда, почему-то напрочь отсутствовали, преступный, но справедливый почин безвестного Робин Гуда воспринимался в народе с явным сочувствием” (Щербакова); “Молодость любит в славе только шум, а душа зрелая – справедливое, основательное признание ее полезной для света деятельности” (Карамзин); “Таковым образом отдав справедливый долг положившим за отечество живот свой, Монархия се устанавливает и оставшимся с блистанием подвигов своих и заслуг, достойное награждение” (Левшин); “Слава Богу, справедливый поединок здесь невозможен, и Бог непременно сжульничает, хотим мы того или нет” (Театральная жизнь 28.07.2003); “Конечно, с ее стороны это была несправедливая грубость, но и ее в общем-то можно было понять” (Слипенчук); “Чуковскую порой ставит в тупик ахматовская несправедливая строгость – в “Записках” она пытается как-то объяснить, перетолковать, проинтерпретировать несправедливую Ахматову” (Иванова); “Скандал был несправедливый, потому Эди-бэби встал с табурета, сидя на котором, он ел на кухне борщ, не доев его, любимый борщ, демонстративно, и удалился на свою веранду” (Лимонов).

Значение “основной добродетели общественных институтов” (Дж. Роулз) – социальной справедливости передается, с одной стороны, сочетанием прилагательного *справедливый* с именами общественных структурированных

объединений, формальных и неформальных (государство, общество, судебная система и пр.), с другой – сочетанием прилагательного справедливый с именами гипостазированной структуры этих организаций (схема, порядок, строй, уклад, модель, устройство и пр.) и результатов её деятельности (закон, решение, приговор, указ, конституция и пр.):

“Инстинкт самосохранения народа востребовал надпартийные ценности: сильное и справедливое государство, работающее хозяйство, пропитание и защиту от терроризма, уголовщины и техногенных катастроф (Попов); “Только лишь общество творцов, общество художников сможет создать настоящее справедливое государственное устройство (Бурков); “Самое несправедливое общество сегодня несет высокую справедливость” (Васильев); “А вы думаете построить справедливое общество на шкурниках и завистниках?” (Солженицын); “Когда-нибудь на земле будет жить справедливое человечество, и оно, на площадях городов своих, поставит изумительной красоты монументы и напишет на них” (Горький); “Но в тех регионах / где суд присяжных уже работал / он показал себя / как очень справедливое учреждение / и достаточно либеральное” (Эхо Москвы); “Затем, опять же по гонгу, с кратким словом выступил Алексей Феофилактович, объяснил, что третейский суд – самый справедливый в мире суд потому, что избирается заинтересованными сторонами” (Слипенчук); “Все, дескать, ошибаются, все уклонились, все ложная церковь, я один, убийца и вор, – справедливая христианская церковь. (Достоевский); “Но общение недостижимо путем принудительной организации общества, этим путем может быть создан более справедливый строй, но не братство людей” (Бердяев); “В листовке писалось, что Германия призвана уничтожить большевиков и устанавливает новый, справедливый порядок, когда “кто не работает – тот не ест”, зато “каждый, кто честно трудится, получает по заслугам”” (Кузнецов); “Дмитрий знает Провидение, господствующее над миром, но чувствует его преимущественно как вечный, неизменный закон, как справедливый устав бытия, и потому Провидение им чувствуется фаталистично” (Флоренский); “Хотя, видимо, объяснения Михаила были неполны, но социализм крепко засел в моей душе как справедливый строй жизни” (Каганович); “Еще хуже они усваиваются, когда военный человек видит несправедливое устройство государства, которое он призван защищать” (Баранец); “Система по нынешним экономическим воззрениям правильная и справедливая, но в тогдашнее время внутреннего неустройства крайне невыгодная для государства” (Мельников-Печерский); “Была надежда, что Арбитражный суд рассмотрит все представленные доводы и вынесет справедливое решение” (Витрина читающей России 2002); Еще Фома Аквинский писал, что “несправедливый закон вообще не закон, а скорее форма насилия””

(Яковлев); “В России всякий несправедливый закон исправляется неисполнением его” (Вигель); “Да, приговор кажется вопиюще несправедливым. Но если 12 присяжных пришли к выводу, что он справедлив, значит, они знают то, чего не знаем мы” (АиФ 2006).

Сочетание прилагательного *справедливый* с соответствующими именами передает в речи все три основных разновидности справедливости, выделяемых в социальной психологии (см.: [Лейнг 2003: 606]): процессуальную, карающую и распределительную.

Процессуальная справедливость – это свойство “вершителей справедливости”, которым в идеале должны обладать все власть имущие мира сего. Она, в принципе, сводится к отстраненности – беспристрастности и нелицеприятности, с которой формальные и неформальные “начальники” должны осуществлять свои властные (распределительные и карательные) функции:

“Где бессовестный грабитель вдов и сирот, несправедливый судья, развратный священник наказываются позором общего мнения” (Греч); “И начальство, надо справедливо признать, оказалось справедливое и пошло мне навстречу (Попов); “Физически и духовно здоровый и мощный наш многомиллионный народ, решительная и справедливая власть и, наконец, чистая высокоидейная интеллигенция – это тот локомотив, который поведет Россию по этому единственно верному пути” (Жизнь национальностей 2004); “Лео был мудрый, справедливый и кроткий правитель. (Чарская); “Когда в начале царствования императора Николая Павловича поведено было выставлять на мраморных досках имена отличившихся кадет, справедливый государь вспомнил о предместниках их и приказал изобразить, таким же образом, имена кадет, получивших большие золотые медали с начала учреждения корпуса” (Греч); “Все происходящее прекрасно: мудрый и справедливый король осуществляет свою последнюю волю, сейчас он снимет с головы корону и, окруженный всеобщей заслуженной любовью, отдаст власть наследникам; теперь они будут охранять справедливость” (Козинцев); “Казалось бы, в этом заключен и вывод, оптимистический финал: правителем Дании будет не узурпатор, а справедливый монарх (Козинцев); “Где на каждом перекрестке возвышается строгий и справедливый полисмен и день и ночь охраняет покой горожан и священную собственность (А. Толстой); “Он только слышал от Андрея, что это хороший учитель – веселый и справедливый (Крапивин); “Сегодня случайно узнал, что строгая, справедливая учительница – жена такого нечестного шофера Просылина” (Козлов); “Бог – он справедливый!” (Горький); “Барыня была справедливая, тоже она не любила, чтобы около ее даром потели” (Саша Черный); “Снова свалить все заботы по “наведению порядка” на строгого, но справедливого хозяина, а самим, как обычно, умыть руки?” (АиФ 2006).

Справедливый в сочетании с именами наград и наказаний передает значение воздавательной (вознаграждающей и карающей) справедливости, основанной в идеале на принципе (мере) *равным за равное* – за одинаковую заслугу и одинаковое преступление одинаковая награда и одинаковое наказание невзирая на личность:

*“Он позволяет человеку знать, что должно делать в земной жизни, чтобы получить справедливое воздаяние после смерти” (История восточной философии); “Напротив, вы, кажется, должны радоваться их вниманию ко мне: это живой аттестат моим достоинствам, справедливая дань, как говорят они (Гончаров); “Он, должно быть, счел, что это справедливая награда за его деяния на благо советского олимпийского движения” (Рубин); “Это было справедливое возмездие николаевскому режиму” (Чулков); “Каково же было его изумление, радость, исступление радости, когда дверь открыли перед ним всю настежь и, мало того, еще звали, приглашали, умоляли его вступить наверх и немедленно удовлетворить свое справедливое мщение!” (Достоевский); “Тогда уже знаешь, а *quoī s'en tenir*, и не обижаешься, а чувствуешь, что это справедливая месть божия за какого-нибудь Эноха или Иафета, что-нибудь напакостившего шесть тысяч лет тому назад” (Герцен); “Эту казнь, этот справедливый акт мести осенней ночью привели в исполнение юноши, почти мальчики” (Инбер); “Сие испытание, конечно, есть мзда справедливая за некие тайные грехи твои (Вяземский); “Христианство принимало мир таким, каков он есть, оправдывало строй жизни как неизбежное и справедливое последствие греха” (Бердяев); “Любое осуждение и наказание партией восприму как должное и справедливое” (Гриневский).*

Справедливость распределительная, в основе которой лежит преимущественно принцип “каждому по его вкладу”, передается сочетанием прилагательного *справедливый* с именами “всего того, что может быть разделено между людьми, участвующими в известном обществе” [Аристотель 1998: 251] – это, прежде всего, экономические термины и понятия “наивной экономики”:

“Интеллигенция любит только справедливое распределение богатства, но не самое богатство, скорее она даже ненавидит и боится его (Горький); “Справедливое распределение – это такая же фикция, как радикальное средство для ращения волос” (АиФ 2006); “Не получится ли так, что, начав борьбу против олигархов за справедливое распределение доходов, мы вернемся к 17-му году?” (АиФ 2003); “В России у людей преобладает чувство несправедливого дележа” (АиФ 2006); “Оппозиция в России может принять одну из уродливых форм, например этнического национализма, или же стать более социально ориентированной, когда справедливое перераспределение национального богатства станет единственным путем к сплочению” (Известия 03.10.2003); “При каждой

из них возможны как греховные явления – хищение, стяжательство, несправедливое распределение плодов труда, так и достойное, нравственно оправданное использование материальных благ” (Альфа и Омега 2000); “Только залатав дырки на границе, можно говорить о четной и справедливой конкуренции” (ОРТ 13.04.2006); “Но главное – этот налог, на взгляд Аркадия Владимировича (ранее, кстати, работавшего в экспертной группе при Минфине), более справедливый” (Калининградская правда 10.06.2003).

Особый вид распределительной справедливости – “уравнивание того, что составляет предмет обмена” [Аристотель 1998: 251] – представлен в речи сочетанием прилагательного справедливый с именами рыночных терминов (цена, стоимость, сделка), где справедливость заключается в обладании участниками рынка всей необходимой для заключения сделки информацией (ср.: *fair market price* – справедливая рыночная цена– Пивовар 2000: 358):

“По нашим расчетам, справедливая стоимость (акций – С. В.) – 3800 долларов” (АиФ 2007); “Предприятия соревнуются друг с другом не по принципу, у кого меньше издержек, у кого справедливей цена, а кто ловчее надурил налогового инспектора” (АиФ 2006); “В отчете говорится, что справедливая цена акций компании находится на уровне 11,8 доллара за штуку, тогда как ее нынешний уровень на 36 процентов ниже этой отметки” (Финансовая Россия 19.09.2002); “Также во многих МСФО используется справедливая стоимость” (Газовая промышленность, 2004); “Готиер создает свою концепцию справедливой сделки, которую называет максимальной относительной уступкой” (Кашиников).

Присущая, прежде всего, обыденному (языковому) сознанию справедливость морального права – ощущение этической обоснованности эмоциональной реакции субъекта (чувство справедливости) в определенной ситуации и “законности” его жизненных потребностей, сопоставимая с “неотчуждаемыми правами человека” – передается в сочетании прилагательного справедливый с именами чувств, эмоций, желаний и требований:

“Читатель, ты, который уже презираешь меня, на короткий абзац приостанови справедливое чувство!” (Найман); “Наша родная партия и правительство уже очень давно вызывают во мне вполне справедливое блевотное чувство, которое разделяют со мной все мыслящие люди страны” (Левин); “Всё же надо признать, что привычка Николы Теслы пользоваться таким количеством салфеток в ресторане и не менее, чем 18-ю полотенцами после ванны, вызывает справедливое недоумение” (Глинка); “Но очень скоро ждало меня справедливое разочарование” (Брюсов); “Справедливое их негодование уже пробовал разжечь какой-то юный пропагандист, его арестовали” (Горький); “Есть гнев, так сказать, законный, справедливый, когда он обращен на грех, на

беззаконие, на преступление и происходит из ревности о славе Божией и спасении ближнего” (Л. Толстой); “Это и вызывает справедливое недовольство Баку” (Баранец); “Сидели они с Садыковым у него дома, в креслах напротив друг друга, Володя подавал ей кофе, она пила кофе, курила, вызывая у Садыкова несправедливое, но естественное раздражение человека, недавно бросившего курить и возненавидевшего из-за полной теперь недоступности этот процесс, бывший когда-то чуть ли не главным в жизни” (Визбор); “Лепидис наклонил голову, как задиристый бычок, однако было ясно, что подходящий момент для самоотвода упущен и теперь своей настойчивостью можно вызвать только протест и справедливое возмущение”. (Львов); “Вы иногда видели пьяниц и помните еще то справедливое отвращение, которое вы к ним возымели” (Стругацкий-Стругацкий); “Личная, справедливая ненависть к изменнику уступила явной пользе государственной: король уверил Глинского в милости” (Карамзин); “И вот сегодня полная, великая реализация личности и судьбы Олега Борисова, ибо есть в его судьбе, особенно в начале, справедливая обида на среду театральную и околотеатральную” (Козаков); “Пушкин с справедливой гордостью мог сказать о себе, что он один из первых у нас развил книжную торговлю” (Добролюбов); “Потом знатоки приходили в восторг – и совершенно справедливый – от ее гибкой и тонкой талии, от изящной формы ее плеч... (Панаев); “Я прочитал в его глазах глубокое и справедливое презрение к моей персоне, к моему военному мундиру, к выражению лица, к торопливым движениям” (Мамин-Сибиряк); “Вчера поутру сказали именем Государя, что он после праздников придет за мною, и прибавили от себя, что всякое мое справедливое желание будет им выполнено” (Архангельский); “Я вовсе не желаю проповедовать добродетель и обличать порок: считаю это для простого смертного занятием не только праздным, но и безнравственным, потому что оно предполагает несправедливое и горделивое притязание быть лучше других” (Соловьев); “На справедливое требование России турецкое правительство отвечало обещанием издать фирман, подтверждающий все права, коими искони пользовалась православная церковь” (Данилевский).

В основе любой оценки, направленной на фактообразующий объект, лежит мнение-суждение (подробнее см.: Воркачев 1994: 9), создающее своего рода “фон” для вынесения как оценки этической, справедливостной, так и оценки истинностной, рациональной.

Выделить этическое значение в сочетании прилагательного *справедливый* с именами мнения (мнение, оценка, суждение, мысль, идея и пр.) позволяет присутствие в ближайшем окружении этих имен указаний на этический характер выносимой оценки:

“Меня такое несправедливое мнение публики о спортсменке ужасно обижало” (Тарасова); “Несомненно, одной из важнейших двигательных

сил в развитии науки является справедливая оценка – признание личных заслуг ученого в развитии науки” (Капица-Тамм); “Пришла в голову подловатая и несправедливая мысль: рак – это болезнь нечистой совести” (Есин).

Соответственно, присутствие в этом окружении указаний на рациональный характер суждения свидетельствует об истинностной оценке:

“Если бы принять суждение рассматриваемой герменевтики за справедливое, мы не знали бы достоверно ни в Ветхом, ни в Новом Завете, которое слово есть слово Божие и которое человеческое” (Флоровский); “Откуда находится у него время, чтобы иметь обо всем такие верные и положительные сведения и о каждой вещи произносить такое справедливое и основательное суждение?” (Корф).

При отсутствии в контексте подобных указаний отделить этическую оценку от рациональной не представляется возможным:

“Мнение совершенно справедливое” (Майков); “Возразить на столь откровенное и довольно справедливое суждение было трудно” (Милованов); “Во-первых, его твердая позиция, идейная убежденность, справедливая оценка нашего прошлого и острая, смелая критика настоящего” (Наш современник 2003); “Меня все время угнетала мысль, может быть, и несправедливая, что он неискренен, себе на уме, одним словом, темнит” (Яковлев); “Идея оригинальная, а в существе справедливая!” (Булгарин).

Как и мнение, речь (слово) может иметь любое оценочное содержание, и, соответственно, сочетание прилагательного справедливый с именами речи и речевых актов получает справедливостное или истинностное наполнение в зависимости от указаний в семантике имени либо в ближайшем его окружении на этическую или рациональную оценку, а при отсутствии последних имеет место двусмысленность, ср. различные оценки:

этическая оценка:

“Гомерические кутежи и бешеное швыряние денег на глазах всего населения вызывали среди благоразумных элементов справедливый ропот” (Врангель); “Другие видят в нем справедливый и закономерный протест против бесчеловечного режима военного коммунизма, большевистского гнета” (Ефимов); “Обвинение, несомненно, справедливое” (Московский комсомолец 01.01.2003); “Он, в бессильной досаде на ее справедливый упрек, отшатнулся от нее в сторону и месил широкими шагами грязь по улице, а она шла по деревянному тротуару” (Гончаров); “Самонадеянность сменялась подавленностью, жестокая и очень часто несправедливая критика, при забвении собственных вин, заменяла всецело положительную работу” (Деникин); “Несправедливое, обидное, насмешливое слово рано или поздно дойдет до адресата” (Шохина); “Однажды Карим сделал невестке справедливое замечание: она стояла у грузовика, беседуя с шофером из ОРСа, наглым и

бессовестным парнем, гораздо дольше, чем позволяли приличия” (Волос); “Иракцы уже сделали справедливое и весьма недвусмысленное заявление о том, что если американские солдаты станут расстреливать их на выбор прямо на рынках, то это отнюдь не вызовет у иракского народа прилива любви к армии Соединенных Штатов” (Спецназ России 08.15.2003); “Я так же, как и Панаев, не сомневалась в личности, которая подбила Огарева написать столь обидное и несправедливое письмо о Некрасове” (Панаева); “И не удивительно, что в “Литературной газете” незамедлительно появилась разгромная рецензия, злобная и несправедливая” (Ефимов); “Отзыв сей, сколь пренебрежительный, столь же и несправедливый, повлиял на меня так пренеприятно, что я, даже не скрывая сей неприятности, возразил...” (Лесков);

истинностная оценка:

“Это утверждение, в частности, может быть, иногда справедливое, совершенно ложно, насколько оно относится к масонству как союзу” (Писемский);

неопределенность:

“Что касается до Иванушек, то прежде всего я должен сделать общее, но весьма справедливое замечание” (Салтыков-Щедрин); “...Именно только вы один, благороднейший князь, в состоянии были такое справедливое слово сказать!” (Достоевский); “Справедлива речь твоя, любезненькой ты мой, – отвечал игумен, – справедливая речь!” (Мельников-Печерский); “Это справедливое утверждение” (Время МН 2003).

Как можно видеть, в речевых употреблениях прилагательного *справедливый* семантическая структура этической категории справедливости реализуется практически полностью и даже с избытком. Сопоставление корпуса речевых употреблений этого прилагательного с лексикографически зафиксированными значениями имен *правда* и *справедливость*, в словарных статьях которых, как можно предполагать, отражены наиболее значимые для языкового сознания признаки этого этического понятия, даст, очевидно, возможность обнаружить определенную специфику этнических представлений о справедливости.

В словарной статье *справедливость* практически везде (см.: [ССРЛЯ 1963, т. 14: 579; Ожегов-Шведова 1998: 757; БТСРЯ 1998: 1252; Ушаков 2000, т. 4: 448; СЯП 1959, т. 4: 324]) прежде всего упоминается беспристрастность как “судейская добродетель” (“беспристрастное, справедливое отношение к кому-, чему либо”), что, очевидно, свидетельствует о первостепенной важности этого морального качества для русского языкового сознания. Сразу же за процессуальной справедливостью идет личностная справедливость как “соответствие человеческих отношений, действий и т.п. моральным и правовым нормам” [ССРЛЯ 1963, т. 14: 579; СРЯ 1984, т. 4: 231; БТСРЯ 1998:

1252], “идеал поведения, заключающийся в соответствии поступков требованиям морали, долга, в правильном понимании и выполнении этических принципов” [Ушаков 2000, т. 3: 690].

Выражение социальной (институциональной) справедливости, может быть, наиболее значимое для русского языкового сознания, закреплено за одним из лексико-семантических вариантов лексемы *правда*: “порядок, основанный на справедливости” [ССРЛЯ 1961, т. 11: 8; БТСРЯ 1998: 951; СРЯ 1983, т. 3: 351], “вообще жизненный идеал, справедливость, основанный на принципах справедливости порядок вещей” [Ушаков 2000, т. 3: 690].

В русской лексикографии полностью отсутствует деление справедливости на воздавательную и распределительную и никак не представлены “рыночные” представления о ней, что существенно отличает русское языковое сознание от, например, англосаксонского, где словарная статья *equity* содержит, как минимум, два экономических термина, с том числе и значение *простая акция* (см., например: [Webster 1993: 769]).

Зато в статьях русских словарей присутствует *чувство справедливости* [Ожегов, Шведова 1998: 757; БТСРЯ 1998: 1252; Ушаков 2000, т. 4: 448], очевидно невозможное для английского языка (**feeling of justice*), но вполне согласующееся с общей эмоциональностью русского национального характера (см.: [Вежбицкая 1997: 34]), и значение справедливости как “моральной обоснованности” (см.: [СРЯ 1984, т. 4: 231]), что, в свою очередь, некоторым образом согласуется с “судейским комплексом” (см.: [Касьянова 2003: 253]) русского человека.

Лексическое единство словарной статьи *правда* в русском языке обеспечивается сквозной семой соответствия, которая присутствует в том или ином виде во всех основных семантических вариантах этой лексемы, скрепляя в одно целое соответствие слова и мысли (искренность), мысли и дела (истинность), мысли и должного (справедливость). Она же в несколько ослабленной форме скрепляет словарную статью *справедливость*: “соответствие человеческих отношений, законов, порядков и т. п. морально-этическим, правым и т. п. нормам, требованиям” [Евгеньева 2001, т. 2: 483]; *справедливый* – “соответствующий представлениям о добре, истине, разделяемым большинством людей” [Шушков 2008: 715].

Другая отличительная черта лексической системы русского языка состоит, очевидно, в наличии в ней особых “корреспондентских дейктиков” (о лексическом дейксисе см.: [Сребрянская 2005: 17–18]) *прав*, (о *прав* см.: [Шатуновский 1991: 37]), *правый* и *правота*, приложимых и к истинностному, и к *справедлivoстному* соответствиям и наполняемых конкретным содержанием из ситуации речевого акта:

“Тот прав, у кого больше прав”; “Иные времена, иные правы”; “Борис, ты не прав”; “А ну, отойди в сторонку, старик! / Мы молоды, значит правы” (Евтушенко); “Он мне в глаза смотрел, как будто правый” (Пушкин); “Опасно быть правым, когда правительство ошибается”

(Вольтер); “Но мы, когда уверены в своей правоте, обычно упираемся и делаем программу” (АиФ 2007); “Удар прикладом – самый действенный и быстрый метод объяснения заключенному его неправоты” (Константинов).

Таким образом, описание речевого употребления семантической и словообразовательной основы справедливости – прилагательного *справедливый* – позволяет восстановить её формулу в том виде, в котором она существует в современном языковом сознании. В свою очередь, сопоставление этой формулы с лексикографически зафиксированными значениями справедливости позволяет выявить наиболее значимые для языкового сознания признаки этой этической категории: эмоциональность, наличие значения “моральной обоснованности” и отсутствие “рыночного”, распределительного значения. Предложенный метод анализа и полученные результаты **перспективны** для использования в изучении иных концептов и лингвокультурных идей, языкового сознания, на материале как русского, так и других языков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹. Работа выполнена при поддержке РГНФ [грант № 10-04-38-404 а/Ю]

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории / Аристотель. – Мн.: Литература, 1998. – 1392 с.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
3. БТСРЯ: Большой толковый словарь русского языка / [сост. и гл. ред. С.А.Кузнецов]. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.
4. Воркачев С.Г. Лексикализация рациональной оценки в естественном языке: предикаты знания и мнения/ С.Г. Воркачев // ФИЛОЛОГИЯ – PHILOLOGICA. – Краснодар, 1994. – № 3. – С. 8-11.
5. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежицкая. – М.: Русские словари, 1997. – 416 с.
6. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С.Г. Воркачев. – М.: Гнозис, 2004. – 236 с.
7. Воркачев С.Г. Концепт счастья в английском языке: значимостная составляющая / С.Г. Воркачев, Е.А. Воркачева // Массовая культура на рубеже XX-XXI веков: Человек и его дискурс. – М., 2003. – С. 263-275.
8. Гумбольдт В., фон. Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1985. – 450 с.
9. Евгеньева А.П. Словарь синонимов русского языка: В 2-х т / А.П. Евгеньева. – М.: Астрель-Аст, 2001.
10. Касьянова К. О русском национальном характере / К. Касьянова, В.Ф. Чеснокова. – М.: Академический проект, 2003. – 560 с.

11. Левонтина И.Б. За справедливостью пустой / И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев // Логический анализ языка: Языки этики. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 281-292.
12. Лейнг К. Социальная справедливость с точки зрения культуры // Психология и культура / К. Лейнг, Дж. Стефан [под ред. Д. Мацумото]. – М.: Питер, 2003. – С. 598-655.
13. Люшер М. Какого цвета ваша жизнь. Закон гармонии в нас. Практическое руководство / М. Люшер. – М.: НРРО, 2003. – 252 с.
14. Национальный корпус русского языка. – Режим доступа: www.ruscorpora.ru.
15. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1998. – 944 с.
16. Печенев В.А. Правдоискательство: нравственно-философская идея и жизнь / В.А. Печенев // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения. – М.: Политиздат, 1990. – С. 138-164.
17. Пивовар А.Г. Большой англо-русский финансово-экономический словарь / А.Г. Пивовар. – М.: Экзамен, 2000. – 1064 с.
18. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М.: Прогресс, 1993. – 656 с.
19. СРЯ: Словарь русского языка: В 4-х т. / [под ред. А. П. Евгеньевой]. – М.: Русский язык, 1981–1984.
20. ССРЛЯ: Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. – М.-Л.: АН СССР, 1951–1965.
21. СЯП: Словарь языка Пушкина: В 4-х т. / [под ред В.В. Виноградова]. – М.: Госиздат иностранных и национальных словарей, 1956.
22. Сребрянская Н.А. Дейксис и его проекции в художественном тексте / Н.А. Сребрянская. – Воронеж: ВГПУ, 2005. – 270 с.
23. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: В 4-х т. / Д.Н. Ушаков. – М.: Астрель-Аст, 2000.
24. Шатуновский И.Б. “Правда”, “истина”, “искренность”, “правильность” и “ложь” как показатели соответствия/несоответствия содержания предложения мысли и действительности / И.Б. Шатуновский // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – С. 31-37.
25. Шушков А.А. Толково-понятийный словарь русского языка: 600 семантических групп: ок. 16500 слов и устойчивых выражений / А.А. Шушков. – М.: Аст-Астрель, 2008. – 988 с.
26. Webster's Third New International Dictionary of the English Language Unabridged. Springfield. – Mass.: Merriam-Webster, 1993. – 2662 p.